

Коновалов Александр Владимирович

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается гражданственность с позиций двух цивилизационно-контекстуальных моделей политического и социального сознания - западной, конвенциональной модели противопоставляется русская, сакралистская модель. Обосновывается позиция, что в русской традиции гражданственность представлена как качество соборной личности, проявляемое в неприятии формального, позитивного права, основанного на политической конкуренции и социальном контракте, и в борьбе за приведение права в соответствие с "правдой", традиционными этическими принципами солидарности, единогласия, всеобщей взаимосвязи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. II. С. 127-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 177.7

Философские науки

В статье рассматривается гражданственность с позиций двух цивилизационно-контекстуальных моделей политического и социального сознания – западной, конвенциональной модели противопоставляется русская, сакралистская модель. Обосновывается позиция, что в русской традиции гражданственность представлена как качество соборной личности, проявляемое в неприятии формального, позитивного права, основанного на политической конкуренции и социальном контракте, и в борьбе за приведение права в соответствие с «правдой», традиционными этическими принципами солидарности, единогласия, всеобщей взаимосвязи.

Ключевые слова и фразы: гражданственность; конвенциональная, контрактная модель общества и государства; сакралистская модель общества и государства; идеократия; соборность; традиционное общество; служение надчеловеческим установлениям; система взаимозависимостей; коллективная (взаимная) ответственность.

Коновалов Александр Владимирович, к. филос. н.

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

a.konovlov.76@mail.ru

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ[©]

Смысловые значения понятия «гражданственность» в России и на Западе существенно отличаются друг от друга, подобно тому, как русское и англо-саксонское сознания сопоставляют «общество» и «государство» и как определяют отношение к смычке между «обществом» и «государством». Своеобразие российской культуры заключается в том, что она впитывает в себя элементы самых разных, порой чуждых друг другу национальных культур. Ей присущи, по выражению русского философа XVII века Юрия Крижанича, «чуждебесие и чужевладоство», склонность к заимствованиям. Вероятно, эта особенность сложилась в специфических исторических условиях. Как отмечает Г. А. Илларионов, Россия, как «континентальная империя», стала «особым синтезом противоположностей – кочевья и оседлости, сплавом самых различных форм социального бытия, породившим самостоятельную цивилизационную общность» [2, с. 96]; согласно формулировке Т. А. Чикаевой, Россия формировалась на «стыке западного и восточного культурных кодов» [10, с. 210]. В условиях склонности русских не только к заимствованиям элементов иных культур, но и к довольно оригинальной переработке этих «заимствований» иностранное слово «гражданин» прижилось в отечественной общественной мысли, но наполнилось своеобразным содержанием, прошедшим горнило русской ментальности.

Западная конвенциональная модель гражданского общества основывается на конкуренции частных интересов. Познакомиться с сущностными характеристиками данной модели можно в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Д. Локка, Г.-Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса и Ф. Энгельса, М. Вебера, Г. Зиммеля, К. Поппера, А. Тойнби, А. Грамши, Дж. Роулза, Ф. А. фон Хайека [7, с. 218-220; 9, с. 216-217]. Во избежание перманентного тотального противостояния (по меткому выражению Т. Гоббса, «войны всех против всех») активно враждующие индивиды устанавливают общие правила «политической игры», составляют «общественный договор». Государство возникает как система институтов, обеспечивающих социальный порядок для реализации «общественного договора». Действительно, в десакрализованном обществе порядок может поддерживаться только на контрактной основе, поскольку почти никаких иных связей, скрепляющих отношения конкурирующих индивидов, не существует.

Россия, все же оставаясь традиционным государством, пока еще не утратила свой сакралистский характер. Контрактная модель гражданского общества чужда русской традиции. Российскому менталитету свойственна концепция служения высшим и общим идеям, законам. По утверждению Г. А. Илларионова, «экономические, социальные, политические, военные и прочие аспекты государственного строительства являются лишь средствами, за счет которых предполагается достижение целей, носящих идеальный характер, имеющих надпрактический, метафизический смысл» [2, с. 96]. Российское традиционное общество и государство идеократичны, религиозны, если под религией понимать связь субъекта с надсубъектным, связь человечества с Богом, со сверхсубъектным, со сверхличностным. Источником легитимности (законности) является система идеалов, объектов, имеющих священный смысл и значение, реализация которых выше собственных сиюминутных, текущих, эгоистических интересов. Как пишет С. В. Смирнов, «особенностью национального самосознания русского человека является наличие выраженной иерархии жизненных ценностей. Своеобразие географического положения страны и суровость природных условий определили приоритет духовно-нравственных мотивов мышления и деятельности русского человека над потребностями материального порядка... Характерной чертой русского национального самосознания является стремление к поиску духовного Абсолюта – идеалов Совершенства, Правды, Добра, Справедливости» [6, с. 157]. В западном современном обществе даже к идеалам демократии, свободы, гражданских прав уже не относятся со священным трепетом, а лишь используют в собственных интересах. Служения идее, восхищения и самоотверженности ради святости чего-либо уже здесь нет.

В западном сознании человек – товар на рынке и имеет цену, в зависимости от спроса и предложения. А значит, не имеет ценности (святости), не есть носитель искры Божьей. Если это перевести в плоскость социальную, то человек сам по себе не имеет права на жизнь, это право ему дает или не дает рынок.

Сакралистская модель российского менталитета делает своеобразными и русскую философию, и российское правосознание, и политическую действительность.

Русскую философию не постигло разочарование европейских мыслителей в разумной природе объективной реальности. Отказ европейского человека от высших сакральных смыслов, его вера в безграничные возможности человеческого разума в конце концов неизбежно привела его сознание в тупик. Осознав собственное заблуждение в том, что ему подвластно все, что он способен постичь смысл естественного порядка вещей и вследствие чего управлять миром, европейский мыслитель породил новое заблуждение, согласно которому объективная реальность абсурдна и бессмысленна (к такому выводу пришли отнюдь не только экзистенциалисты, но и представители подавляющего большинства направлений постнеклассической науки), на основании которого сформировал релятивистскую и постмодернистскую научную парадигму.

Самобытная русская мысль, не заподозренная в европоцентристских установках, никогда не провозглашала человека «венцом творения». Для русской мысли вполне очевидно то, что высшие смыслы бытия «ускользают» из сознания человека ввиду ограниченности и несовершенства его ума.

«Просвещенный» человек похож на обиженного ребенка, который, не желая признавать свое бессилие в постижении объективных и абсолютных концептов реальности, объявляет таковые несуществующими. Постмодернистский ученый больше не задает себе вопросы «зачем» и «почему», а предпочитает строить конвенциональные научные системы из искусственно разорванных частей единого бытия.

Русская философия избежала депрессии, которую испытывает западная философия, так как в русской научной традиции по-прежнему отдается предпочтение не релятивистской, а универалистской методологии.

Категория «гражданственности», заимствованная из Европы, в России тоже проникнута универсализмом, придающим особый контекст солидарности и коллективности в российском традиционалистском обществе. По выражению Л. Н. Черноусовой, «институализация гражданского общества» в России имеет «соборный аспект» [8, с. 189-191]. Соборный аспект гражданского общества находит отражение в трудах евразийцев Н. С. Трубецкого, Н. Н. Алексеева, П. Н. Савицкого, «почвенника» Ф. М. Достоевского, славянофилов И. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, «легального марксиста» П. Б. Струве, русских религиозных мыслителей Г. В. Флоровского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, И. А. Ильина, В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина, консерватора К. Н. Леонтьева и других.

«Граждане» в России – это не конкурирующие автономные единицы, борющиеся за собственные частные права и консолидирующиеся только посредством условных договоренностей. Это жизненно важные сегменты одной изначально универсальной системы, действующие во имя общих интересов, общих идей и принципов, поддерживающих жизнеспособность и развитие как системы в целом, так и всех без исключения ее элементов. По признанию А. Ф. Лосева, целое утверждает и воспроизводит части, те, в свою очередь, утверждают и воспроизводят целое, а, следовательно, части целого воспроизводят и утверждают друг друга. В связи с этим А. Ф. Лосев выводит единственную цель человека, обладающего подлинным мировоззрением, – радостно трудиться во имя исполнения закона всеобщего человеческого благоденствия [5, с. 299-301, 307-312]. По сути, русский философ определяет идеал гражданина, человека, мужественно трудящегося не для себя и вопреки всем, а ради всех, в том числе и себя.

Следовательно, «гражданственность» в русской традиции можно понимать как социальную активность субъекта, сопряженную с его готовностью служить общим интересам, высшим человеческим ценностям и универсальным законам общественного развития, стоящим над человеческими условностями и частностями.

Тому есть подтверждения в русской истории. В судьбоносные для России отрезки времени, когда решался вопрос: быть или не быть России, – общество консолидировалось не в результате консенсуса политических сил, «общественных договоров» политических сторон, а под эгидой духовной власти, хранящей высшие заветы. Никакие великие исторические личности, вроде Рюрика или Олега Вещего, не могли прочно и надолго укрепить союз восточнославянских племен, уже княгиня Ольга задумывалась о решающей роли духовного единства в политическом объединении страны. Ее замыслы были воплощены ее внуком Владимиром, но кризис духовной власти (когда священнослужители вовлекались в политические интриги) привел к распаду Киевской Руси. Возрождая авторитет церкви, владимирский князь Андрей Боголюбский начал восстановление единства Руси, но его гибель приостановила этот процесс. Московский князь Иван Калита, добываясь переноса митрополичьей кафедры из Владимира в относительно безопасную от ордынских набегов Москву, также осознавал высокое значение церкви для возвышения Москвы как центра собирания русских земель. Особым народным авторитетом на Руси пользовались святые старцы, которые считались подлинными стяжателями высшей правды. Не случайно обращение Дмитрия Донского к святому игумену Сергию Радонежскому перед Куликовской битвой, не случаен поединок монаха Пересвета с татарским Челубеем – это предreshало исход Куликовской битвы, это позволило русским не только победить сильного врага, но и духовно объединиться. Формируется единое русское сознание. «Революция в головах людей» постепенно преодолевает феодальную раздробленность Руси.

Падение авторитета светской власти на рубеже XVI-XVII веков породило Смутное время в России. Россия оказалась вновь на грани развала, предотвратить который сумело только духовенство. Оплотом объединения русских стала Троице-Сергиева лавра.

После крушения Российской империи и установления советской власти духовенство оказалось на нелегальном положении. Однако угроза уничтожения России фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны заставила руководителя страны И. В. Сталина обратиться к Русской православной церкви за помощью, восстановить патриаршество, прекратить гонения на духовенство.

Эти примеры из русской истории доказывают, что гражданская солидарность в России возможна в условиях общих духовных ориентаций. Вот почему в постсоветской России, в условиях крушения прежних национальных

идеалов, во время общественного обсуждения на общегосударственном уровне проблем гражданского общества и правового государства всерьез был поставлен вопрос о выработке новой национальной идеи. Начались ее теоретические поиски, которые зашли в тупик. Ситуация вполне понятна, так как стали ее искать в русле западной демократии, а там ее нет, поскольку западная «гражданственность» не идеократична.

Итак, исторический опыт российского развития сформировал универсалистское российское мировоззрение, которое порождает особое правосознание, отождествляющее право и мораль. Мораль в российском сознании имеет религиозный, священный смысл. Основным источником морали выступает вера, которая наполняет особым священным содержанием и право, сливающееся с моралью и противопоставляемое формальному, секуляризированному праву, характерному для западной цивилизации.

Е. В. Большаков приводит цитату из сочинений русского филолога и философа В. И. Даля, который выделяет нравственность гражданскую, сформировавшуюся в Западной Европе, и нравственность, основанную на вере, свойственную русскому самосознанию. «Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: вторая требует только строгого исполнения законов, первая же ставит судьей совесть и Бога» [1, с. 29]. Гражданственность в русской традиции является сосредоточием высших, религиозных ценностей и становится выше «гражданской нравственности», светской гражданственности.

В российском обществе как традиционном позитивное право (свод законов, устанавливаемых государством) исходит из моральных норм как традиций, скрепляющих и сохраняющих общество на протяжении многих поколений и вырабатываемых веками. Эти традиционные нормы создают общую для всех, именно для всех, а не для избранных, этику, множество запретов и табу, прямо не прописанных в законе. Эти традиции в народном сознании, в сознании соборных личностей предписывались «сверху», надсубъектной, надчеловеческой волей, а не вырабатывались в результате «общественного договора» самими людьми. Право в русском сознании сакрально, оно сливается с моралью, с правдой. И если русский человек видит несоответствие закона единой, общей этике, общенародной правде, он не принимает этот закон, он воспринимает этот закон как нечто чужеродное, импортированное извне в корыстных целях. Традиционный человек не признает морального релятивизма и нигилизма, критерии добра и зла для него абсолютны, он не согласен с тем, что «правда у каждого своя», он утверждает, что «правда установлена свыше, она надчеловечна, объективна». Чужеродные общей этике законы в традиционном обществе называют «антинародными законами». Это некие искусственные предписания, ничего общего не имеющие с законами как таковыми, данными изначально свыше, надсубъектно, существующими в качестве закономерностей объективной реальности. Непринятие таких законов, борьба за приведение законодательной базы, права в соответствие с традиционными этическими нормами, за соединение права и правды и есть гражданственность как качество соборной личности. А правда проявляется в тех ценностях традиционного общества, которые были перечислены выше.

Западное общество и государство оказались антитрадиционными, освобожденными от традиционных запретов и табу. Поэтому право в русском сознании рассматривается как необходимая для сохранения личности и общества мера ограничения свободы человека, а именно его произвола. А западный либерализм стремится к снятию ограничений человеческой воли. В европейском либеральном сознании правовое государство понимается как установление максимальной свободы индивида при ее желательном ограничении ответственностью индивида, выражаемой в его обязанностях; в традиционном российском обществе под законностью подразумевается обязательное дополнение к свободе индивида ответственности, выражаемой в его долге перед государством, перед коллективом. Причем ответственностью за свои действия обладают и властные лица, так как в России над законом и в основе закона лежит «правда», довлеющая над законодателем так же, как и над простым гражданином.

Правосознание и система права у нас не были зафиксированы письменно. То есть письменные кодексы, конечно, были, но они лишь дублировали систему моральных норм, которые передавались из поколения в поколение. Моральные нормы настолько тождественны правовым, что большинство людей не делало в повседневной жизни между ними различий. С. Г. Кара-Мурза приводит любопытное обстоятельство: «Большинство людей в СССР верило, что где-то... моральные нормы записаны как Закон. Власти, когда такие нормы нарушали, старались это тщательно скрыть... Традиционное государство «стыдливо»» [4]. В западном обществе моральные нормы, этика подменяются законом, правом. Западный человек верит тем нормативам, которые установлены государством, точнее говоря, не верит, а привычным образом их исполняет. Законы же диктуются политической целесообразностью, выдвигаемой законодателем, который, так или иначе, находится под воздействием личных пристрастий, корпоративных убеждений. И вообще в основу закона в законном обществе помещен утилитарный, прагматический закон, целесообразность превышает правды, высшего морального императива, объединяющего, а не разъединяющего людей на конкурирующих индивидов.

Специфика русской гражданственности влияет и на особенности политического процесса. Возьмем традицию политического голосования в России. Различие двух типов сознания – традиционного и «современного» (западного) накладывает свой отпечаток и на отличие прямых политических отношений в России и на Западе, связанных с формированием органов власти и важных для всего общества, государственных, решений. Эта разница показательна в ситуации выборов и голосования. В западных политических отношениях, при парламентаризме эти процессы воплощаются в свободной конкуренции, где побеждает сильнейший. В российской цивилизации органами политической жизни были собрания, соборы, общественные сходы или Советы, в которых решения принимаются единогласно, а не большинством победителей. В отличие от парламента, где победитель в конкурентной борьбе выявляется быстро, Совет, озабоченный поиском единства (консенсуса), подходит к вопросу с разных сторон, трактуя острые проблемы в завуалированной форме. Это производит впечатление расплывчатости и медлительности («говорильня») – особенно

когда ослабевают механизмы закулисного согласования позиций. Дело в том, что в парламенте собираются политики, которые представляют конфликтующие интересы разных групп, а Совет исходит из идеи народности. Отсюда – разные установки и процедуры. Парламент ищет не более чем приемлемое решение, точку равновесия сил. Совет же «ищет правду» – то решение, которое как бы скрыто в народной мудрости. Потому и голосование в Советах носило плебисцитарный характер: когда «правда найдена», это подтверждается единогласно. Конкретные же решения вырабатывает орган Совета – исполком.

Собором, средоточием межчеловеческого единства в языческой Руси была община, в православной Руси-России – Церковь, в Советской России – партия, которая действительно «представляла все социальные группы и сословия, все национальности и все территориальные единицы. Внутри этого собора и происходили согласования интересов, нахождение компромиссов и разрешение или подавление конфликтов – координация всех частей государственной системы» [3, с. 78]. Поэтому введение многопартийности в традиционной российской цивилизации отнюдь не благо для России, она разрушает политическую соборность и солидарность народа. Народное чутье безошибочно определяет: «не может быть множество правд, правда одна, а все остальное от лукавого». Не может рост числа партий укреплять правду. Цель партийного размножения, скорее всего, в другом – запутать избирателя и таким образом отдалить его от правды. К чему привело введение многопартийности? К политической индифферентности и пассивности избирателя. И дело здесь совсем не в том, что «русский мужик по природе ленив». Это очередной миф, импортированный в Россию. Причина политической пассивности в отсутствии доверия к политикам. Здравый смысл подсказывает: не может быть у каждой партии правда, при многопартийности не может быть столкновения истин, может быть только жесткая борьба узких групп, давно позабывших об истине, а лоббирующих только свои собственные интересы. Множество партий, представляющих единый народ, – это абсурд, бессмыслица. Согласно законам формальной логики Аристотеля, из двух суждений одно истинно, а другое – ложно, третьего не дано, иначе – это просто подмена значений и понятий. Релятивистский тезис – сколько людей, столько и мнений, сколько мнений – столько и реальностей – не истинен, не адекватен объективной реальности, он является сокрытием истины, уходом от нее.

Очень важные различия в представлениях людей традиционного и техногенного обществ С. Г. Кара-Мурза заметил и в отношении понятия «народ». В традиционном обществе народ понимается как «надличностная общность, обладающая исторической памятью и коллективным сознанием. В народе каждое поколение связано отношениями ответственности и с предками, и с потомками. На Западе же понятие «народ» изменилось, это – граждане, сообщество индивидов» [Там же, с. 77]. И тогда становится понятным, почему, например, в английском языке нет понятия «народ». Русскому термину «народ» в английском языке наиболее близко понятие «people», что в буквальном смысле переводится на русский язык как «население».

Итак, гражданственность в российском традиционном обществе можно рассматривать двояко. С одной стороны, это комплекс ценностей и качеств соборной, коллективной личности (коллектив отличается от толпы тем, что является системой взаимосвязанных и взаимопроникающих личностей, обладающих духовной творческой свободой, а последняя всего лишь совокупность одиноких и чужеродных друг другу, но одинаковых индивидуумов-атомов, которые взаимоотталкиваются и временно притягиваются непрочными связями эквивалентного обмена). Все эти ценности и качества выше изложены. С другой стороны, это система взаимозависимостей, отношений коллективной или взаимной ответственности, которые соединяют органично людей и пространственно (коллективность), и исторически (связь прошлых, настоящих и будущих поколений, историческая память). Это Собор, братство, средоточие межчеловеческого единства, община, где происходит согласование интересов, нахождение компромиссов и разрешение или подавление конфликтов – в общем, координация всех частей системы изнутри.

Намеренное шельмование русских традиций как отживших и тупиковых фактически лишает сознание российских граждан глубинных, корневых основ, дезориентирует россиян, лишает их смысла жизни, дававшего не раз силы в самых тяжелейших жизненных условиях. А это очень опасно, поскольку бессмысленность жизни для русского человека в большей мере, чем что-либо другое, способствует утрате его жизнеспособности. Утрата смыслообразующих ориентиров, духовных основ постепенно разобщает россиян. Они становятся неспособными объединяться, чтобы бороться за свои права. Они становятся политически инертными, безвольными, приобретают депрессивные наклонности. Смысл только в материальном накоплении не удовлетворяет их. Тем более если особых возможностей для этого накопления нет.

В связи с этим немаловажным является гражданское или народное просвещение россиян. Сознание молодежи необходимо возвращать к истокам русской цивилизации, интериоризировать тот духовный базис, который со времен горбачевской «перестройки» и до сих пор вытравливают у россиян «прорабы западной модернизации».

Список литературы

1. **Большаков Е. В.** Мораль и право как факторы регуляции общественных отношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32). Ч. I. С. 28-30.
2. **Илларионов Г. А.** Традиционализм и евразийство: онтологические истоки политической философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27). Ч. II. С. 93-97.
3. **Кара-Мурза С. Г.** Интеллигенция на пепелище России. М.: Былина, 1997. 264 с.
4. **Кара-Мурза С. Г.** Советская цивилизация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kara-murza.ru> (дата обращения: 11.04.2014).

5. Лосев А. Ф. О мировоззрении // Держание духа. М.: Политиздат, 1988. С. 297-314.
6. Смирнов С. В. Русский характер: взаимосвязь национального самосознания и стратегии реформирования современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. I. С. 155-158.
7. Черноусова Л. Н. Взаимодействие социальных институтов гражданского общества: либеральный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. II. С. 218-221.
8. Черноусова Л. Н. Институализация гражданского общества: соборный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17). Ч. I. С. 189-191.
9. Черноусова Л. Н. Теоретические подходы к исследованию понятия «гражданское общество»: философский аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. II. С. 216-219.
10. Чикаева Т. А. Национальный менталитет как основа государственного развития России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. II. С. 210-212.

CIVIC CONSCIOUSNESS IN THE RUSSIAN TRADITION

Kononov Aleksandr Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences
a.kononov.76@mail.ru

In the article civic consciousness is considered from the positions of two civilization-contextual models of political and social consciousness – the western, conventional model is opposed to the Russian, sacral model. The position that in the Russian tradition civic consciousness is presented as a quality of a conciliar individual, which is displayed in the rejection of formal, positive law based on political competition and social contract and in struggle for bringing law to conformity with “truth”, the traditional ethical principles of solidarity, unanimity, universal interconnection, is grounded.

Key words and phrases: civic consciousness; conventional, contract model of society and state; sacral model of society and state; ideocracy; conciliar nature; traditional society; service to superhuman statutes; system of interdependencies; collective (mutual) responsibility.

УДК 02(091)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается становление и развитие книжной торговли в губерниях Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX в. и ее законодательное регулирование. Уделяется внимание социальному составу владельцев, продолжительности существования книготорговых предприятий, прослеживается их распределение по уездам. Автор приходит к выводу, что в указанный период книготорговля в российской провинции носила устойчивый характер в губернских и уездных городах.

Ключевые слова и фразы: книготорговля; книжная лавка; библиотека для чтения; книжный магазин; книгопродавец; Центральное Черноземье.

Кононова Татьяна Леонидовна, к.и.н.
Курский государственный университет
kononova55@mail.ru

РАЗВИТИЕ КНИГОТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)[©]

Книга и книжная культура тесно связаны с историей государства и являются важнейшей составной частью культурно-исторического процесса различных эпох. Региональная книжная культура является своеобразным барометром, фиксирующим изменения экономической и духовной жизни того или иного региона. Что, в каких количествах, каким образом общество тиражирует, распространяет, читает, насколько это соответствует реальным запросам населения – важные показатели развития данного общества. Определение этих показателей достигается анализом условий образования, состава, структуры и тенденций развития книгоиздательского репертуара, книготоргового ассортимента и библиотечного фонда, читательских интересов.

Целью данной статьи является проследить на основе архивных и опубликованных источников становление и развитие книжной торговли в губерниях Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX в., ее законодательное регулирование, социальный состав книгопродавцев, распределение по уездам.